

советская культура. — 1991. —

№ 32. — С. 11.

Со времени нашей прошлой встречи на страницах «СК» минуло более полугодия. На Рождество Мария Владимировна Миронова отметила свой большой юбилей. С театром Олега Табакова она провела полтора месяца в гастрольной поездке по США. Дома, в Москве и Ленинграде, ждали друзья и почитатели Андрея Миронова, прекрасная книга, выпущенная издательством «Искусство» к его пятидесятилетию. Совсем недавно Мария Владимировна принимала поздравления с присвоением ей звания народной артистки СССР. И уже возобновились репетиции в театре, начаты съемки нового фильма. Медлительная почта продолжает приносить отклики на предыдущее интервью. Постараемся же сохранить эту живую связь.

— Мария Владимировна, каково ваше главное впечатление от поездки в США!

— Потрясающее чувство стабильности. По-моему, ничего подобного не ощущаешь даже в Европе. Америка прочно стоит на ногах, ее не поколебать. Мы проехали всю страну поперек — от штата Аризона до Нью-Йорка. И теперь я могу говорить, что возвратилась с другой планеты. Вообще же наш народ по-своему счастлив: он смотрит по телевизору передачи об НЛО и не подозревает о существовании иных цивилизаций на Земле. Может быть, те, кто там побывал, зря нарушают эту идиллию своими рассказами. Но я не издаваюсь, не дразню, я просто мечтаю, чтобы возможно больше людей могли поехать, посмотреть мир «живьем», и тогда вопросы типа: какое общество «строить»? вводить или не вводить частную собственность? — станут бессмысленны. У «их» системы нет названия, во всяком случае, мне оно неизвестно. Я знаю только, что при ней хочется жить и хочется работать.

Мы однажды подумали, что можно не работать, и сразу же прекратили. Даже самых талантливых, самых совестливых порой одолевает сомнение: а не напрасен ли их труд?.. В Америке царит культ Дела. Не зная языка, я привыкла лишь к тем словам, которые чаще слышала на улицах. Одно из них — «бизнес». Нет постыдных занятий, униженно гнушаются работой. Для меня захватывающим зрелищем оказалась обычная стройка. Этаж в день — шестидесятиэтажный небоскреб за два месяца. Дом растет на глазах, как при ускоренной съемке. Все изолировано, движение не перекрывается, улица по-прежнему чиста и опрятна. На высоте, я заметила, работают много индейцев, — ходят по стропилам без лонж, изящно, словно танцуя.

Культ Дела и культ Пользы. Затраты энергии на основной работе компенсируются минимумом усилий в быту. Вплоть до того, что плита зажигается сама собой, а геркулес прямо в тарелке заливаешь горячим молоком — и каша готова. Взаимоотношения человека с государством таковы, что «эгоизм», забота о личном здоровье, личном благополучии выгодны всему обществу. Поэтому по утрам Нью-Йорк бежит. Отсюда же абсолютно очищенные продукты, обилие дешевых фруктов и овощей, натуральные соки, — один стакан заменяет завтрак. Вы думаете, я расскажу про 40 сортов колбасы? Нет, про 60 видов горчицы. Захотелось горчицы, — никак не могла выбрать. Как-то, гуляя по Бродвею, зашла в универсальный магазин Траппа. Меня угостили мороженым, кока-колой, предложили отдохнуть, а потом забавливо проводили и еще поблагодарили на прощание. Сегодня я ничего не купила, но, может быть, куплю завтра? Американец живет в сознании, что он нужен. Любую зарплату он одет, обут, имеет вполне при-

Мария Миронова:

«МНЕ ДОРОГА ДАЖЕ КАПЛЯ ВНИМАНИЯ»

личное (по нашим меркам — роскошное) жилье, автомобиль. Не говорю уже, что он накормлен. Даже наши суточные невозможно было проедать целиком, при том, что полтора месяца я ела клубнику.

— А что не пришлось по душе?

— Пожалуй, такого не было. Разве только два района в Нью-Йорке — Гарлем и Брайтон-бич.

— Они похожи друг на друга!

— Они разные и по-разному оставляют тягостное впечатление. Русские, обосновавшиеся на Брайтон-бич, потеряли себя. Хотя внешне это очень даже «приканные» люди. Они вращаются в своем тесном кругу, у них мало связей с «настоящей» Америкой. Из Союза вывезены излюбленные атрибуты нашей жизни, видимо, чтобы меньше терзаться ностальгией. Во-первых, грязь. Там это почти фантастика. Во-вторых, вы не поверите, — очереди! Очереди в магазинах, где нельзя купить только родных пану с мамой, остальное — пожалуйста! Наши эмигрантки в меховых манти и бриллиантах по-прежнему ищут в очередях общения. Наверно без конца грочет наземное метро, внизу торгуют матрешками. В Гарлеме тоже грязно, но уже при отсутствии напускного шика. Негры неспешно фланируют по улицам, а то и просто стоят в ожидании, с кем бы поболтать. Я заметила, что мы и негры особенно словоохотливы.

— Наши бывшие соотечественники появлялись за кулисами!

— Я очень мало общалась с эмигрантами, было всего несколько встреч. Те, кто уехал в Штаты делать дело, сегодня обеспечены и не испытывают никакой дискриминации. Ко мне заходил когда-то известный в Москве зубной врач, теперь владелец клиники, вторая — у его сына. Эстрадный артист, кажется, имеющий собственную антрепризу. Я была в гостях у вдовы и дочери писателя Полякова в Манхэттене. Дочь служит в банке, мать — пенсионерка. Я такой пенсии, вероятно, не заслужила. Все они переживают за будущее России, стараются быть в курсе текущих дел. Я не услышала в адрес страны ни единого враждебного слова. Мне выпали два прямых эфира — незадолго до отъезда, в Москве, и на русской радиостанции в Нью-Джерси. К счастью, и там, и там я получила лишь

огромный заряд добра. Признаться, в Америке я пошла на это с опаской. Боялась, придется отвечать на «провокационные» вопросы. А ко мне из разных городов обращались с просьбой поклониться могиле Андрея, говорили, что помнят и любят его. Какая-то женщина из Чикаго громко кричала в трубку: «Я выросла на вас!.. Я выросла на вас!..». Будто я мать сыра-земля, что «на мне» вырос человек.

— Во время ваших гастролей Америка фактически вела войну...

— Мы этого не замечали. На мой век выпало порядочно войн, начиная прямо с 1914 года. А коллективизация, тридцать седьмой год, ждановщина? Все это я считаю за страшные опустошительные войны. Но Персидский залив никак не сказался на нас и даже на наших зрителях. Правда, чувствовалось уважение американцев к своей армии. Погибших привозили хоронить домой, знали поименно. Значит, надеюсь, их было немного. Резко подскочила популярность Джорджа Буша. По-моему, второй срок президентства ему обеспечен.

— Сыграла ли свою роль в пристальном внимании к театру Табакова «мода» на все русское?

— Поначалу, наверное. Но американцы очень осмотрительны, для них важна не мода, а качество. Конечно, все, возвращаясь с гастролей, живописуют произведенный за границей фурор, но, честное слово, мы действительно имели большой успех. И «Матросская тишина», и «Учитель русского» шли при полных залах. А выступать приходилось не только в театрах, но и в колледжах, — мы объехали несколько университетских городков. С нами были три переводчика, но за частую зрители, особенно американские актеры и актрисы, предпочитали слышать наушники. Видимо, понимали все, просто наблюдая за сценой. Олег Павлович, тоже с успехом, читал лекции о театре. Оказывается, он уже давно популярен в Америке. Один восемнадцатилетний паренек, прекрасно говорящий по-русски и мечтающий стать актером, приедет осенью в Москву, чтобы учиться у Табакова. К нам проявляли интерес радиостанции «Свобода», «Голос Америки». Устраивались приемы, но я решила, что без языка мне там делать нечего. Ну и получили приглашение повторить гастроль. Может быть, теперь поедет другая часть труппы, ведь не все попали в эту поездку.

Я очень благодарна театру за то, что все-таки увидела «каменные джунгли». Каменные — да, но не джунгли, разумеется. Красивейшая архитектура! Рокфеллер-центр, например, произвел на меня грандиозное впечатление. Впрочем, и зелени хватает. В Нью-Йорке я жила в доме женщины, режиссера. У нее трехэтажный особняк в Манхэттене, рядом с очень скромным домом мэра города. Первый этаж она отдала мне. Окно спальни выходило в сад, и перед глазами все время прыгали белки, только не такие, как у нас, а полосатые, скорее, напоминают енотов. По ветвям деревьев пропущены гирлянды крохотных лампочек, так что вечерами улицы еще красивее. Правда, нам настойчиво советовали не покидать гостиницу с наступлением темноты. Хотя ребята советами пренебрегали, и все обошлось благополучно, но опасность существует. Это единственное, в чем мы совпадаем с американцами.

— У вас была возможность сравнить профессиональный уровень двух театральных школ!

— К сожалению, практически нет. С бродвейского мюзикла «Мизерябль» по «Отверженному» Гюго я ушла после первого акта. Знаменитая постановка, а мне стало скучно. Мы подробнее познакомились с драматической стороной дела. Доходы актеров в их и нашем театре несопоставимы. По новому обменному курсу выходит, что мы здесь работаем за 4—5 кг бананов в месяц. Чем лучше театр, тем дороже билеты. В «Метрополитен-опера» удовольствие послушать Лучано Паваротти в «Луизе Миллер» Верди обходится в бешеные деньги — 120 долларов. Всем известная контрактная система, конечно, очень продуктивна. Актеры дисциплинированы и выкладываются в полную силу. Но невозможно представить, чтобы страстное отношение к профессии и естественное желание жить по-человечески привели кого-то из них к тому, к чему наша система привела моего сына...

— Как вы встретили восьмое марта, Мария Владимировна!

— Ходила в русскую церковь. Вечером помянули Андрея. Вы коснулись большого вопроса. Этот день был для меня грустным. Не только от того, что его пятьдесят лет я отмечала одна. Еще и впервые восьмого марта оказалась вдали от дома. Где бы мы ни иг-

рали с Александром Семеновичем Менакером, в день рождения всегда возвращались к Андрюше и были вместе. Но так уж получилось.

— Вас тянуло домой!

— Обычно я скоро начинаю думать о возвращении. Не смогла бы жить ни в какой другой стране. Чужим домом восхищаешься, но любить продолжаешь только свой.

— Что изменилось в Москве за ваше отсутствие!

— Вы знаете, в первые минуты меня охватывают волнение и радость, я не могу смотреть вокруг критическим оком. Хотя, когда ехали на машине из аэропорта, было ощущение бесцветности. Как будто смыли все краски, кроме серой. А сейчас я стараюсь реже выходить на улицу. Я живу в самом центре. В большинстве городов мира люди приезжают в центр погулять, развлечься. А у нас беготня, лица озабоченные: что бы такое запастись и заморозить? Мне надо немножко освоиться, привыкнуть. Но есть вещи, к которым я не смогла привыкнуть за всю жизнь. К тому, что на

«главной» могиле страны в особо торжественных случаях стоят ногами. А в мороз еще и пристукивают ботинками. Если бы на могиле близкого мне человека кто-нибудь стоял ногами, я бы сама умерла с горя.

Почти сразу я попала не только в Москву, но и в Ленинград, там тоже праздновали юбилей Андрея. Жила в «Астории», спасибо, приютили за рубли, знали, как много у меня связано с этой гостиницей. Сравнялась с интуристами. Дух «Астории», увы, исчез. Зато финское оборудование, хорошее обслуживание. Наши пятизвездочные отели соответствуют уровню хороших гостиниц, в которых нас селили в Америке. Но чтобы держать марку, придется пока своих укладывать на вокзалах.

— Вы втянулись в работу, даже не успев «адаптироваться».

— Мы уже начали репетировать пьесу молодого драматурга Алексея Богдановича «Норд-ост». Это семейная хроника, в которой мне предстоит сыграть мать, бабушку и прабабушку — уроженку Петербурга. Время действия — с 1937 года до наших дней. В этой работе я впервые столкнулась с Табаковым как с режиссером, мне с ним интересно. Боюсь только, что не сумею репетировать летом. Мы с Александром Семеновичем всегда закрывали сезон в начале мая. На очереди пьеса Дэвида Мэмми «Жизнь в театре», обе сразу мне не под силу. Алла Сурикова и Евгений Каменкович снимают фильм по нашему спектаклю «Учитель русского».

Конечно, устаю, но никогда не думаю о том, чтобы покинуть театр. Что у меня тогда останется? Уйду, если меня «уйдут». Уйду, когда перестану приносить пользу. Театр держит меня на плаву, собираюсь к ним, я подтягиваюсь — и морально, и физически.

— Кроме театра, кроме друзей, у вас есть и еще одна поддержка — письма...

— Простите все, кому я не смогла ответить. Для обработки такого количества почты потребовался бы секретарь. Но я прочитываю каждое письмо. Мне дорога даже капля внимания. И я признательна незнакомым людям за их память об Андрее. Спасибо, что они не дают ему умереть. Пока жива память, жив человек.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото А. Сизухина.